

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

№ 157
(Декабрь).

1909.

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

СОДЕРЖАНІЕ. Святый Іоаннь Златоустъ — о власти и славѣ народной. — Молитва — величайшій даръ Божій. П. К. — Люди Божіи. — Памяти о. Іоанна. Клавдія Булыгина.

СВЯТЫЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ О ВЛАСТИ И СЛАВѢ НАРОДНОЙ.

Взвѣдуемъ заботиться не о томъ, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о томъ, чтобы отличиться добродѣтельно и любомудріемъ. Власть побуждаетъ дѣлать многое, Богу неугодное, и надобно имѣть очень мужественную душу, чтобы пользоваться властію, какъ слѣдуетъ. Тотъ, кто лишень власти, волею и неволею любомудрствуетъ; а облеченный ею тернить то же, что и человѣкъ, который живя съ хорошею и красивою дѣвицею, обязался никогда не посмотрѣть на нее съ вожделѣніемъ. Такова власть! Вотъ почему она даже противъ воли дѣлаетъ многихъ обидчиками, у многихъ возбуждаетъ гнѣвъ, снимаетъ узду съ языка и отворяетъ двери устъ, какъ бы вѣтромъ раздувая душу, и какъ ладію погружая ее въ самую глубину золь. Итакъ, что же ты дивишься человѣку, находящемуся въ такой опасности, и называешь его счастливымъ? Какое безуміе! Кромѣ того, подумай еще и о томъ, сколько враговъ и клеветниковъ, сколько ласкателей какъ бы держать его въ осадѣ! Такое ли состояніе, скажи мнѣ, можно назвать блаженнымъ? И кто назоветъ? Но такой человѣкъ въ славѣ у народа. скажешь ты? Чтожъ? Народъ—не Богъ, Которому онъ долженъ дать отчетъ. Поэтому, указывая на народъ, ты говоришь только о новыхъ отмеляхъ, подводныхъ камняхъ, скалахъ и утесахъ. Уваженіе народное, чѣмъ болѣе оно дѣлаетъ знаменитымъ, тѣмъ съ большими соединено опасностями, заботами и печалями. Такой человѣкъ, имѣя столь жестокаго господина, совсѣмъ не можетъ отдохнуть или пріостановиться. Что я говорю пріостановиться или отдохнуть? Такой имѣя и тысячи заслугъ, съ трудомъ входитъ въ царство. Поистинѣ, ничто столько не унижаетъ людей, какъ слава народная, дѣлающая ихъ боязливими, подлыми, льстецами и лицемѣрами. Почему, напримѣръ, фарисеи называли Христа бѣснующимся? Не потому ли, что желали народной славы? Почему народъ произносилъ правильное

объ Немъ мнѣніе? Не потому ли, что Онъ не страдалъ этой болѣзнью? Ничто, истинно ничто такъ не дѣлаеть людей законопреступными и несмысленными, какъ желаніе славы народной. Равнымъ образомъ ничто такъ не дѣлаеть славными и мужественными, какъ презрѣніе ея. Потому и надобно имѣть чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочетъ противостоятъ такой бурѣ, силѣ вѣтра. Любящій славу, когда онъ находится въ счастливыхъ обстоятельствахъ, ставитъ себя превыше всѣхъ, а когда въ несчастныхъ, то готовъ самъ себя зарыть въ землю. Это для него и геенна и царство, когда онъ поглощенъ этой страстью.

Итакъ, скажи мнѣ, достойно ли это зависти? Напротивъ, не достойно ли рыданій и слезъ? Это для всякаго очевидно. Завидуя имѣющему такую славу, ты поступаешь подобно тому, кто, увидѣвъ связаннаго, наказываемаго бичами и влекомаго безчисленными звѣрями, завидуетъ его ранамъ и язвамъ. Поистинѣ, сколько людей въ народѣ, столько и для честолюбца узъ, столько владыкъ, и что всего хуже, каждый изъ нихъ имѣетъ свое особое мнѣніе и всякій даетъ приговоръ, какой случится, ничего не разбирая; а что вздумаетъ одинъ или двое, то и всѣ утверждаютъ. Не ужаснѣ ли это всякаго волненія, всякой бури? Ищущій славы то вдругъ отъ радости поднимается вверхъ, то снова легко погружается, бываетъ всегда въ тревогѣ, и никогда въ покоѣ. А что радость не менѣ пагубна, чѣмъ печаль, это очевидно изъ ея дѣйствія на душу. Радость дѣлаеть душу легкомысленною, надменною и непостоянною. Это можно видѣть и на древнихъ мужахъ. Когда напр. Давидъ былъ добръ: тогда ли, когда радовался, или когда былъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ? Іудейскій народъ когда былъ добродѣтеленъ: тогда ли, когда стеналъ и призывалъ Бога, или когда въ пустынѣ радовался и поклонялся тельцу? Потому то и Соломонъ, знавшій лучше всѣхъ, что такое радость, говоритъ: благо ходити въ домъ плача, нежели въ домъ смѣха (Еккл. 7, 3). Потому и Христосъ ублажаетъ скорбящихъ, говоря: блаженни плачущи (Мѡ. 5, 4); а радующихся почитаетъ не-

счастливыми: горе вамъ смѣющимся, яко восплачете (Лук. 6, 25)! И весьма справедливо. Во время забавъ душа бываетъ слабѣе и изнѣженнѣе; а во время скорби укрѣпляется, дѣлается цѣломудренною, освобождается отъ всѣхъ страстей, становится возвышеннѣе и мужественнѣе. Итакъ, зная все это, будемъ убѣгать славы народной и удовольствія, происходящаго отъ нея, чтобы достигнуть истинной и вѣчной славы, которой всѣ мы и да сподобимся благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа.

Изъ твореній св. Іоанна Златоуста.

Молитва—величайшій даръ Божій.

(Окончаніе).

Итакъ молитва для подвизающагося хрістіанина есть основаніе всей спасительной жизни, корень и источникъ всякихъ благъ. „Ибо и покаяніе, и вѣра, и миръ съ Богомъ, и благоговѣніе, и терпѣніе, и чаяніе втораго пришествія, и вообще всякое изъ тѣхъ дѣйствій необходимо имѣетъ отношеніе къ Богу и рождается отъ молитвы“ *).

Но молитва такъ же, какъ и всѣ прочія добродѣтели, требуетъ упражненія, усердія, навыка, развитія, совершенствованія. Нельзя научиться искусству, не изучивъ его на дѣлѣ—опытомъ, нельзя стяжать и молитвы, не упражняясь въ ней и не трудясь усиленно съ Божіею помощію. А такъ какъ она есть самая главная изъ добродѣтелей и родительница всего добраго въ человѣкахъ, то по важности ея для спасенія, требуется приложить и большее усиліе, чтобы утвердить ее въ сердцѣ. А посему всѣ ревнители добродѣтельнаго житія, всѣ усердные хранители заповѣдей Господнихъ, всѣ истинные послѣдователи Христа, умудряемые во спасеніе Божіею благодатию, на молитву главнымъ образомъ и обращали свое вниманіе, ее стяжать и усокровиществовать въ своемъ сердцѣ понуждались горячимъ желаніемъ, зная, что вмѣстѣ съ нею легко могутъ теши путемъ спасенія и преуспѣвать въ добродѣтеляхъ.

Но какъ многотруденъ бываетъ молитвенный путь, особенно вначалѣ вступленія на него! Какъ тѣсна и прискорбна стезя молитвы, ведущая человѣка съ распутій грѣха къ царствію Божію „внутрь насъ“! Какъ тяжелъ кажется подвигъ подъемаемый для молитвы, когда еще сердце не очистилось отъ страстей и не вкусило чувствомъ „яко благъ Господь“. Это знаютъ отчасти всѣ

*) Еп. Теофанъ. Пачерт. стр. 411.

тѣ молитвенники, которые трудились не жалѣя силъ въ этомъ дѣлѣ, которые ради молитвы принимали и скорби и нужды и многое другое смиряющее и озлобляющее сердце, наводимое промысломъ Божиимъ для ихъ пользы и которые въ послѣдствіи по милости Божіей получили нѣкоторое облегченіе въ этомъ дѣлѣ и вкусили сладости Божіей чувствами сердца.

Здѣсь ввергается человѣкъ въ желѣзную печь искушеній и поставляется лицомъ къ лицу съ невидимыми врагами спасенія—демонами, которые ничего такъ не ненавидятъ въ человѣкахъ, какъ молитвы, и ни противъ чего такъ не вооружаются бранію, какъ противъ молитвы; ибо для нихъ она убійственна и нестерпима, а для насъ спасительна и благотворна. Здѣсь встрѣчается человѣкъ со скорбями, нуждами, испытаніями и со всѣми трудностями подвижническаго житія, которыя до того времени были незнаемы и даже не предполагаемы. Здѣсь испытывается нравственная крѣпость человѣка, его прилѣпленіе къ добру, его стремленіе къ добродѣтели, его предложеніе сердца. На этомъ пути, по словамъ св. отцовъ, бывають уклоненія, паденія, скудости, страхи, оставленія и многое другое тягостное и скорбное. Спросили однажды ученики одного великаго старца о томъ, что всего труднѣе въ дѣлѣ подвижническаго житія, и старецъ отвѣтилъ имъ: „нахожу, что молитва всего труднѣе въ жизни, ибо какъ только встанетъ человѣкъ на молитву, такъ и поднимается на него мысленный врагъ“. Въ истинѣ этого изрѣченія всякій можетъ убѣдиться даже на себѣ самомъ. Легко мы чувствуемъ себя, когда находимся въ обществѣ друзей, пріятно проводимъ время за любимыми занятіями, покойно бываетъ на душѣ при обычныхъ житейскихъ дѣлахъ, а какъ только захотѣли помолиться поусерднѣе Богу, или захотѣли вспомнить грѣхи свои предъ Богомъ, такъ и поднимается въ душѣ точно непогода какая, мысленная брань. И то нужно сдѣлать неотложно и этого не забыть, и объ этомъ побезпокоиться и другого не потерять изъ виду; и т. д. Или же будутъ появляться въ душѣ помыслы недовѣрія истинамъ Св. Писанія, помыслы нерасположенія къ молитвѣ; будетъ закрываться въ умѣ то угѣшеніе, которое получается отъ молитвы и отъ благодати Божіей. Давно забытыя обиды, непріятности, неудовольствія, вдругъ какъ бы изъ заклеповъ какихъ будутъ выходить изъ сокровенностей сердца и представляться предъ душею со всѣми подробностями, возбуждая человѣка на гнѣвъ и злобу на тѣхъ лицъ, которыя причинили такіа непріятности. Или же, если человѣкъ не внимаетъ возникающимъ въ душѣ подобнаго рода помысламъ, то является разсѣянность, холодность и блужданіе ума повсюду. Знаетъ врагъ, что если познаетъ человѣкъ пользу молитвы, ея сладость, и благотворность для души, то трудно уже будетъ его совра-

щать на путь грѣха. А потому и употребляетъ онъ всѣ силы, чтобы отбить человѣка отъ молитвы. Не рѣдко нападаетъ на душу, по коварству враговъ спасенія, непонятная тягость, уныніе, разлѣненіе, сонливость и проч., отчего дѣлается великое омраченіе ума и расслабленіе сердца. Всякій вѣрующій хрістіанинъ навѣрно испыталъ и испытываетъ подобнаго рода искушенія, наносимыя завистниками спасенія и по опыту знаетъ, какъ трудно бываетъ возносить умъ и сердце къ Богу въ молитвѣ, какъ не легко перебороть нападающую во время молитвы тяжесть и сонливость и какъ необходима бываетъ Божія помощь и огонь духа, чтобы дѣло молитвы исправлять должнымъ образомъ. Такъ то многотруденъ бываетъ подвигъ молитвы!

А потому глубокимъ сѣтованіемъ бывають покрыты лица усердныхъ молитвенниковъ, пока они еще не освободились отъ страстей, пока не пришли въ познаніе себя, т. е. въ смиреніе, пока не вступили въ свободу чадъ Божіихъ и не получили облегченія въ подвигѣ отъ благодати Господней. Много приходится воспріяты скорбей ради молитвы, перенести искушеній, положить трудовъ и вознести молитвенныхъ прошеній къ Богу. Проходятъ иногда десятки лѣтъ въ томительномъ и безотрадномъ состояніи, пока грѣховное сердце человѣка не умягчится мало по малу, а душа не очистится слезными струями отъ сквернъ грѣха. И уже послѣ многихъ трудовъ и усилій, послѣ жестокихъ буръ и волненій душевныхъ, станетъ озаряться душа лучами милосердія Божія, станетъ согрѣваться духъ теплотою Божіей благодати.

Тогда великую пользу, неоцѣнимое благо, будутъ доставлять человѣку молитвы, измѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное состояніе его сердца. Глубокія воздыханія временами будутъ исходить изъ глубины души и исполнять сердце сладкимъ миромъ и утѣшеніемъ. Смирennemудрыя чувства, чувства своего недостойнства предъ Богомъ, чувства духовной нищеты и безотвѣтности предъ Богомъ, по милости Божіей, также будутъ являться въ сердцѣ и подвигать душу на плачь, слезы, умиленіе и благодареніе Бога за все. Изъ такого состоянія рождается временами и любовь къ Богу сладостная и къ ближнимъ сердечная и не лицемерная. Видится тогда, что ближніе гораздо лучше насъ во всемъ: они и въ дѣлѣ то исправны, и въ молитвахъ—совершенны, и въ намѣреніяхъ—чисты, и въ чувствахъ—любовны, тогда какъ въ своей душѣ кромѣ грѣха и немощей ничего не видится. И чѣмъ чаще будутъ возбуждаться въ сердцѣ смирennemудрыя чувства, тѣмъ обильнѣе будетъ изливаться благодать отъ Господа; и чѣмъ обильнѣе будетъ дѣйствовать благодатное умиленіе, тѣмъ теплѣе и сердечнѣе будетъ являться любовь къ Богу и ближнимъ. Легокъ тогда уже будетъ казаться

путь хрістіанскаго жительствова и пріятны труды во спасеніе души. И будутъ сбываться тогда на человекѣ слова писанія: „сѣкочи слезами, радостію пожнуть. Ходящій хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя: грядуще же приидуть радостію, вземлюще рукояти своя.“ (Псал. 125. 9). Вотъ къ какому великому благу приводитъ человека молитва. Есть изъ-за чего слѣдовательно и потрудиться.

Благодареніе должны мы воздавать Господу за такой великій и чудный даръ къ намъ недостойнымъ. Что сдѣлалось бы съ нами грѣшными, если бы лишены мы были такого великаго блага? Заѣли бы насъ скорби душевныя, измучили бы въ конецъ грѣхи и разстройства и тягостною сдѣлалась бы жизнь безъ благодати Божіей. Но слава щедротамъ и милостямъ Господнимъ! „Призови Мя въ день скорби твоея и изму ты и прославиши Мя,“ говоритъ Господь. Въмѣсто скорби ты получиши отъ Меня утѣшеніе, вмѣсто печали—радость духовную; вмѣсто унынія—веселіе; вмѣсто недовольства—миръ и успокоеніе, и вмѣсто злобы и вражды—любовь и долготерпѣніе. Съ облегченною душею и съ благодарнымъ сердцемъ ты пойдеши отъ Меня и на все ты будешь смотрѣть радостнымъ взоромъ и всякій то человекъ будетъ казаться тебѣ другомъ и близкимъ и во всемъ ты увидиши премудрость и благодать Мою...

И такъ за чѣмъ же дѣло?—Время уже есть намъ отъ сна востати и поклониться Господеви. Востанемъ же, придемъ, поклонимся и приидемъ ко Христу Цареву нашему Богу...

Н. К.

ЛЮДИ БОЖІИ

I.

Илья Филипповичъ.

Въ Русскомъ православномъ народѣ есть еще люди Божіи, избранники. Въ душахъ ихъ горитъ огонекъ сильной вѣры, который грѣетъ сердца людей и освѣщаетъ имъ спасительный путь жизни. Эти люди исполнены дивнаго мира и радости, которая замѣтна и въ ихъ лицѣ, въ ихъ сужденіяхъ, въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ, имѣющимъ съ ними общеніе и съ сожалѣніемъ сознающимъ свое отчужденіе отъ истинной жизни.

Много было званыхъ на вечерю Господина, но мало насладились ею, вслѣдствіе увлеченія житейскими заботами, служеніемъ грѣхолюбивой плоти. Участниками вечера Господина вмѣсто званыхъ оказались хромые, слѣпые, глухіе, т. е. тѣ, которые въ глазахъ людей міра слыли за ничтожныхъ, презрѣнныхъ.

Нынѣ, когда въ людяхъ гложетъ мысль о своемъ истинномъ

призваніи, при постоянно смѣняющихся картинахъ служенія грѣху и рабства плоти, въ высшей степени привлекательными и отрадными представляются намъ образы людей Божіихъ, жившихъ ради угожденія Богу, презирающихъ то, за чѣмъ гоняется міръ—богатство и славу, жившихъ на землѣ, но не по земному.

Живо предстаётъ предъ нами образъ одного изъ такихъ людей Божіихъ—Илья Филипповича, принявшаго на себя подвигъ юродства о Христѣ при трудѣ сборщика на храмы Божіи.

Илья Филипповичъ родился въ Никольскомъ уѣздѣ, былъ сынъ причетника Старогеоргіевской церкви Филиппа Страхова. Рано въ родительскомъ домѣ научился онъ грамотѣ, вмѣстѣ съ отцемъ становился на клиросѣ своего бѣднаго приходскаго храма, пѣлъ и читалъ. Потомъ отвезли его родители въ г. Никольскъ и отдали въ Духовное училище. Прилежный мальчикъ учился хорошо и перешелъ въ Вологодскую Духовную Семинарію. Тамъ онъ курса не кончилъ. Такъ какъ льготы Илья Филипповичъ не имѣлъ, то его взяли въ солдаты. Три года состоялъ онъ на царской службѣ и уволенъ былъ по слабости здоровья. Не вернулся Илья на родину съ военной службы. Его потянуло къ Кіевскимъ угодникамъ, въ тѣ мѣста, гдѣ подвизались Антоній, Феодосій, и прочіе великіе подвижники, его повлекло къ славному Кіеву, съ его святынями, о которыхъ онъ много наслушался отъ странниковъ и странницъ. Въ Лаврѣ Кіевской прожилъ Илья Филипповичъ три года, полюбилъ онъ св. обитель съ ея могучимъ пѣніемъ, полюбилъ пещеры, мѣста великихъ подвиговъ святыхъ Божіихъ, онъ мечталъ остаться здѣсь навсегда. Но духовный отецъ не благословилъ его жить въ Кіевѣ, велѣлъ идти въ родные края, тамъ выстроить келью и подвизаться одному.

Послушный волѣ старца духовника, Илья Филипповичъ направился къ Устюгу, посѣтивъ находившіеся на пути монастыри, стараясь, какъ пчела медъ, собрать, насколько можно, духовные запасы для будущей уединенной жизни.

Онъ остановился въ Устюгѣ, поклонился угодникамъ Божиимъ Прокопію и Іоанну Праведнымъ, Христа ради юродивымъ, и принялъ на себя подвигъ юродства. Сначала поселился онъ за Сухоней въ Троицкомъ Гледенскомъ старшномъ монастырѣ, находящемся верстахъ въ 5-ти отъ города, но скоро ушелъ оттуда и, исполняя волю старца, устроилъ себѣ келью малую вблизи другого монастыря Знамено Яковскаго, въ 3-хъ верстахъ отъ Устюга. Мѣсто тутъ было покойное и красивое, на берегу Сухоны. Нерѣдко выходилъ Илья Филипповичъ на берегъ рѣки и подолгу занимался, подобно праведному Прокопію, богомыслиемъ и молитвою. Для уединенной молитвы онъ подъ поломъ своей кельи выкопалъ себѣ пещеру. Въ углу пе-

щеры стояло у него рѣзное изображеніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и икона Одигитріи Божіей Матери, предъ которыми свѣтилась неугасимая лампада. Въ сторонѣ стоялъ деревянный гробъ, а предъ гробомъ искусно вырѣзанное изъ дерева изображеніе смерти съ косою въ рукахъ и другими предсмертными орудіями. Въ этой пещерѣ имѣлъ Илья Филипповичъ весьма продолжительныя моленія, а спать ложился во гробѣ.

Илья Филипповичъ очень любилъ храмы Божіи, особенно же свой родной Георгіевскій храмъ. Убогая обстановка храма, бѣдность его заставляла подвижника оставлять любимую имъ келью съ пещерою и ходить собирать на храмы Божіи. Со всѣмъ усердіемъ занимался рабъ Божій этимъ святымъ, но труднымъ дѣломъ. Въ кожанномъ халатѣ, подпоясанный кожанымъ поясомъ, въ кожаныхъ же рукавицахъ, съ желѣзной палкой торопливо ходилъ онъ и по улицамъ города Устюга, и по окрестностямъ его, носѣщая и отдаленныя мѣста ради благоуукрашенія храмовъ Божіихъ. Образъ этого сборщика, производившаго неизгладимое впечатлѣніе на всякаго, кто видѣлъ его хотя одинъ разъ, оставался памятнымъ навсегда. Писатель П. В. Засодимскій, уроженецъ Вологодской губерніи г. Никольска, описывая свои дѣтскіе годы, сообщаетъ объ Ильѣ Филипповичѣ, носѣщавшемъ долго его отца. Илюша, такъ звали сборщика-подвижника родители писателя, это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, небольшого роста, худой, костлявый, какъ скелеть, съ желтымъ изможденнымъ лицомъ, съ темными, низко остриженными волосами и съ темными пронизательными глазами, сверкавшими, какъ угольки изъ-подъ черныхъ густыхъ бровей. Зиму и лѣто онъ ходилъ въ черной кожанной одеждѣ. Илюша въ теченіи многихъ многихъ лѣтъ только и дѣлалъ, что постоянно ходилъ изъ мѣста въ мѣсто по нашему Сѣверному краю, собирая пожертвованія на постройку церкви у себя на родинѣ. Болѣе худого, тѣлесно изнуреннаго я никогда не видалъ. Только въ темныхъ глазахъ его горѣлъ огонь. Илюша вовсе не думалъ о себѣ и о житейскихъ удобствахъ... Вся сила его души ушла на то дѣло, которое онъ считалъ праведнымъ и великимъ дѣломъ. Онъ ходилъ по городамъ, по селамъ, по деревнямъ, по большимъ дорогамъ, по проселкамъ, переходилъ болота и лѣсныя труппы—одинъ одишешенекъ, опираясь на свой посохъ. Движенія Илюши были порывисты, ему какъ будто не сидѣлось на мѣстѣ, говорилъ онъ быстро и въ рѣчи его слышалось часто скороговоркой: „Ну, вотъ и слава Богу, и слава Богу!“

Онъ бывалъ у насъ разъ или два въ годъ. Онъ рассказывалъ о своихъ странствованіяхъ. Даже отецъ мой, вообще не долюбивавшій странниковъ и странницъ, благоволилъ къ Илюшѣ и, бывало, съ улыбкою спрашивалъ его:—ну что? Выстроилъ свою

церковь? А Илюша скороговоркой, тоже съ улыбкой, отвѣчать ему: „нѣтъ еще, батюшка! не сподобилъ Богъ, нѣтъ еще—бѣгаю, бѣгаю!“

— Ну, ну, бѣгай!—говорилъ отецъ.

Я любилъ слушать его рассказы о дальнихъ странствованіяхъ и, обыкновенно, все время не отходилъ отъ него. Илюша иногда, разговаривая, клалъ мнѣ на плечо руку, а иногда какъ-то нервно, порывисто гладилъ меня по головѣ, приговаривая: „умница, умница“. (Изъ дѣтскихъ лѣтъ 30—32 стр.).

Не жалѣвнѣй ни силъ, ни жизни, Илья Филипповичъ устроилъ хорошій храмъ на своей родинѣ во имя Великомученика Георгія, украсилъ его, приобрѣлъ немало цѣнныхъ вещей. Старогеоргіевскій храмъ—памятникъ трудовъ раба Божія.

Невдалекѣ отъ Старогеоргіевского прихода находится с. Волмы. Тамъ почиваютъ св. моци Симона Воломскаго чудотворца, котораго весьма чтилъ Илья Филипповичъ. Дорога на Волму къ угоднику пролегаетъ черезъ болота, трудно было лосмникамъ попадать туда. Илья Филипповичъ на собранныя имъ средства проложилъ хорошую дорогу къ Симону Воломскому и такимъ образомъ облегчилъ трудъ почитателей сего Угодника. Имъ же устроена часовня въ Волмахъ, отмѣчено то мѣсто, гдѣ была кончина преподобнаго Симона.

Любя Великій Устюгъ съ его святынями, Илья Филипповичъ заботился и здѣсь о благоуукрашеніи храмовъ. Вблизи женскаго Іоанно-предтеченскаго монастыря подвижникъ устроилъ каменную часовню, а въ ней выгесалъ каменную чашу; въ эту чашу имъ проведена вода изъ потока, текущаго съ монастырской горы, которою и до нынѣ пользуются жители города. Этотъ потокъ Илья Филипповичъ называлъ Метосимль. Имъ же въ 18 верстахъ отъ Устюга въ приходѣ Параскевы Пятницы устроена часовня въ честь Великомученицы Параскевы.

Случаевъ благотвореній Ильи Филипповича на украшеніе храмовъ и часовенъ было множество. Не напрасно ходилъ онъ со своею сумкою, собирая ленты на дѣло Божіе, Господь угѣшалъ его успѣхомъ.

Занимаясь сборами на храмы, Илья Филипповичъ не забывалъ главнаго—молитвы и воспитанія въ себѣ внутренняго челоуѣка. Пещера-памятникъ его молитвенныхъ трудовъ и самоуглубленія. Подвижникъ весьма любилъ читать Слово Божіе, творенія отеческія и размышлять о прочитанномъ. Имѣя хорошую память, Илья Филипповичъ знаетъ наизусть почти всю Библію и довольно точно пересказывалъ изъ святоотеческихъ и подвижническихъ твореній то, что приходилось прочитать ему только одинъ разъ. Устюжане весьма чтили его. Они съ любовью слушали то, что говорилъ онъ отъ Слова Божія и отъ

духовнаго своего опыта. Они охотно принимали Илью Филипповича въ свои дома, считая счастливымъ тотъ день, когда онъ ихъ посѣщалъ. Нерѣдко ходили они къ его келли, особенно при важныхъ случаяхъ въ ихъ жизни, внимательно замѣчая то, что онъ говорилъ. Подвижники Божій отвѣчали приходившимъ на ихъ запросы стороной, прикровенно, какъ дѣлали юродивые. Замѣчали, что слова Ильи Филипповича сбывались и въ скоромъ времени. „Къ чему онъ относится съ неблагорасположеніемъ, лучше, говорили устюжане, за то и не принимайся, не будетъ усѣха“. Въ числѣ особенныхъ почитательницъ Ильи Филипповича отмѣчали: игуменію Иоанно-Предтеченскаго женскаго монастыря Назарету и многихъ сестеръ этого монастыря, Горницкую игуменію Маврикію съ многими же монахинями, старца Максима, подвизавшагося подъ руководствомъ Ильи Филипповича въ 20 вер. отъ Устюга въ глухомъ лѣсу въ келли и др.

Онъ желалъ отъ души всѣмъ, знающимъ его, душевной пользы, помочь ихъ спасенію совѣтами, обличеніями, молитвою. Но бѣжалъ онъ, какъ огня, славы человѣческой. Когда уваженіе къ нему, какъ подвижнику и прозорливцу, усилилось, когда число почитателей его стало расти въ замѣтной степени, чтобы подорвать почетъ къ себѣ, онъ однажды вошелъ въ домъ, быть гдѣ считается позоромъ, притомъ сдѣлалъ такъ, чтобы его видѣли. На юродиваго посыпались клеветы, насмѣшки, а онъ радовался, что достигъ цѣли, ибо горячо вѣрить, что хвалимые у людей будутъ не хвалимы у Бога. Но истинные почитатели Ильи Филипповича поняли смыслъ его поступка.

Всю жизнь свою Илья Филипповичъ упражнялся въ молитвѣ Исусовой и достигъ дара молитвы. Всю жизнь онъ заботился о воспитаніи въ себѣ духовнаго человѣка, внимательно относясь къ движеніямъ своего сердца. Онъ составилъ себѣ такъ сказать письменную программу жизни, которой долженъ былъ слѣдовать. Эту программу или, какъ называли его почитатели, молитву, онъ почаству читалъ каждодневно, провѣряя свои помыслы и поступки. Вотъ она: „блаженъ рабъ, присно бдѣй, блюдетъ ризы своя, да не нагъ ходить, лице же Господне на творящій злая, еже потребити отъ земли память ихъ, не буди ми Господи во отчужденіе въ день лютей, исцѣли мя, Господи, и исцѣлѣю; спаси мя и спасенъ буду, это Ты еси хвала моя во вѣки; сія исцѣленіе костемъ твоимъ и отрада болѣзнемъ твоимъ, тебѣ да будутъ, терни, мѣлуй, не суди, смирися, трудися, не гнѣвайся, молися, и постися, кайся—и приблизится ти царствіе небесное, за терніи вѣнчаиъ будещи, за милосердіе помилованъ будещи, за неосужденіе на осужденъ будещи, за смиреніе вознесенъ будещи, за трудъ живъ будещи, за безгнѣвіе Бога узриши, за постъ и молитву

спасенъ будещи, за истинное покаяніе со святыми водворившися; къ спмъ же помни, яко земля еси и въ землю отыдеши“.

Послѣдніе 12 лѣтъ своей жизни Плъя Филипповичъ провелъ въ страшныхъ страданіяхъ, у него сильно болѣли ноги: сказались труды его по собиранію пожертвованій. Во время болѣзни онъ много разъ причащался Св. Тайнъ и соборовался. Народъ ходилъ къ келліи его, чтобы повидать и услышать слово юродиваго страдальца. Когда больной въ послѣдній разъ принялъ Св. Тайны, онъ сказалъ окружающимъ его: „уберите отъ меня все и положите меня на ноль, я пойду ко Христу“ и прибавилъ громко: „помни, что земля еси и въ землю отыдеши“. Скоро Плъя Филипповича не стало, онъ въ мирѣ почилъ.

Плъя Филипповичъ скончался въ 1856 году и похороненъ въ Янковскомъ Знаменскомъ монастырѣ, вблизи коего находилась келлія его. Могила его посѣщается благочестивыми устюжанами. Память праведниковъ живетъ во вѣки и у Господа мзда ихъ...

II.

Анна Кондратьевна съ Морозовицей.

Морозовица—село, находящееся въ 5 верстахъ отъ В.-Устюга, за рѣкой Сухоней. Вблизи его родился св. Праведный Іоаннъ Устюжскій.

Анна Кондратьевна была крестьянская дочь села Морозовицы, родилась въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Еще въ дѣтскіе и отроческіе годы она любила ходить къ гробницамъ св. праведниковъ, юродивыхъ Прокопія и Іоанна, любила молиться уединенно у часовни, находящейся среди поля, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ родился прав. Іоаннъ, любила слушать и вспоминать жизнь его и подвиги, начатые еще въ юные годы, и умилась сердцемъ.

Когда Аннѣ исполнилось 16 лѣтъ, подружки ея надумали сходить на богомолье въ г. Тотьму къ св. преподобному Θεодосію Тотемскому Чудотворцу. Не отстала отъ нихъ и Анна; отиротившись у родныхъ, она отправилась поклониться св. мощамъ Угодника Божія.

Изъ Тотьмы она вернулась уже иною; что тамъ случилось съ Анною, неизвѣстно, но она стала юродствовать и до самой смерти несла этотъ подвигъ.

У Анны Кондратьевой были три брата, они жили отдѣльно другъ отъ друга своими семьями. Юродствующая Христа ради сестра не находила пріюта у своихъ братьевъ; она вела скитальческую жизнь, оставаясь ночевать то въ одномъ то въ другомъ домѣ у сосѣдей, а то и въ окрестныхъ деревняхъ. Лѣтомъ же она обычно жила у о. діакона Морозовицкой церкви Яхло-

кова, въ его сѣновалѣ, устроенномъ надъ дровенникомъ и хлѣвомъ. Жена о. діакона очень любила юродивую, приходившуюся ей сверстницею, она посылала дѣтей своихъ снести подвижницѣ то хлѣба, то пирога. Анна брала все приносимое ей, но мало принимала въ пищу, такъ какъ она была большая постница. Дѣти замѣчали по уходѣ ея въ сѣновалѣ оставшіеся послѣ нея зачерствѣлыя кусочки хлѣба. Всѣ насмѣшки и издѣвательства сосѣдей она переносила терпѣливо, даже принимала ихъ съ великою радостью. Она всегда благодумствовала среди испытанія и тягостей своего жизненнаго пути. Господь сподобилъ ее дара прозорливости.

Однажды въ лѣтнее время прѣѣхалъ на рыбную ловлю въблизи с. Морозовицы тогдашній Архимандритъ Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря о. Іоанникій. Послѣ полдня онъ зашелъ отдохнуть къ о. діакону Яхлокову. Стали пить чай. Въ комнату входитъ Анна Кондратьевна и садится у стола, за которымъ сидѣли хозяева и гость. Дьяконница радушно приняла юродивую и предложила ей чашку чая.

Посидѣла молча Анна Кондратьевна, какъ будто задумалась о чемъ то, потомъ встала и, обращаясь къ хозяйкѣ, говоритъ: „вѣдь я сегодня не умывалась“ и тотчасъ же ушла въ кухню. О. Архимандритъ вспыхнулъ, и когда юродивая вышла изъ комнаты, онъ сознался: „она то навѣрно умывалась, а я то сегодня съ рыболовствомъ дѣйствительно не умывался. Она раба Божія“, прибавилъ о. Архимандритъ. Когда Анна Кондратьевна вновь вошла въ комнату и сѣла пить чай, гость вынулъ изъ кармана нѣсколько мѣдныхъ монетъ и подаль ей. Она, не смотря на свою привычку не брать деньги, приняла изъ рукъ о. Архимандрита монеты и купила на нихъ овечьей рунной шерсти, связала изъ шерсти нѣсколько чулковъ и носковъ, а потомъ продавала ихъ, покупала шерсти, снова работала и покупала, и такъ дѣлала въ продолженіи долгаго времени.

Жена дьякона о. Яхлокова рассказывала о случаѣ прозорливости Анны Кондратьевны настолько очевидномъ, что никто не можетъ усумниться въ дѣйствительной принадлежности этого дара юродивой.

При Морозовицкой церкви въ прежнее время по штату полагались: священникъ съ дьячкомъ и пономаремъ; діаконъ Яхлоковъ былъ сверхштатнымъ и пользовался одними только доходами безъ жалованья. Дьячекъ умираетъ. О. діаконъ Яхлоковъ надѣется, что онъ будетъ зачисленъ въ штатъ, такъ какъ послѣ покойнаго не осталось взрослыхъ дочерей, къ которымъ бы можно было принять зятя-дьячка, что являлось въ ту пору обычаемъ. Правда, послѣ дьячка осталась изъ лѣтня дѣвочка—дочь, но вслѣдствіе несовершеннолѣтія къ ней нельзя было принять

въ домъ жениха. Діаконъ Яхлоковъ не сомнѣвался, что онъ попадетъ въ штатъ. Вдругъ по ходатайству осиротѣвшаго семейства дьячковское мѣсто остается за малолѣтнею дѣвочкою и Епархіальнымъ начальствомъ на должность дьячка опредѣляется молодой человѣкъ, съ обязательствомъ по достиженіи совершеннолѣтія взять въ замужество дочь умершаго. Діаконъ и жена его были очень опечалены такимъ поворотомъ дѣла.

Прошло нѣсколько времени. Приходитъ въ домъ діакона Анна Кондратьевна раннимъ утромъ, во время обрядовъ, поздоровалась съ хозяевами, потомъ подошла къ окну и устремила глаза свои къ небу, оставшись въ такомъ положеніи довольно продолжительное время.

Удивленная дьяконница спрашиваетъ, что это значитъ?

Юродивая обращается къ ней и говоритъ: „знаешь ли, вѣдь Плюша то Анюши то не возьметъ“ (такъ звали молодого дьячка и его невѣсту).

Дьяконница спрашиваетъ ее: почему же не возьметъ?

— Не знаю, полушепотомъ и съ растановкой отвѣчаетъ Анна Кондратьевна, — только ты имъ не говори, прибавляетъ она, вѣдь они на меня будутъ сердиться.

Дьяконница подумала, что эти слова юродивая сказала не спроста, что они значатъ что-нибудь важное.

Прошло три года. Невѣста достигаетъ совершеннолѣтія. Готовятся къ свадьбѣ, которая предполагается послѣ Крещенія. Въ постъ рождественскій невѣста заболѣваетъ, а въ сочельникъ умираетъ. Предсказаніе юродивой исполняется въ точности.

Молодой дьячекъ перемѣщается на другое мѣсто, а діаконъ Яхлоковъ поступаетъ въ штатъ.

Священникъ Пуркаловской церкви о. Владиміръ Яхлоковъ рассказываетъ про случай прозорливости рабы Божіей Анны Кондратьевны изъ своихъ отроческихъ лѣтъ.

— Учился я въ Устюжскомъ духовномъ училищѣ и, такъ какъ родина отстояла только въ пяти верстахъ отъ города, то на праздники и на воскресенія я ходилъ въ Морозовицы въ родительскій домъ. Когда я былъ уже довольно взрослымъ, учился въ IV классѣ духовнаго училища, на одинъ осенній праздникъ по обычаю явился домой. Вечеромъ за чаемъ, когда мы разговаривали о домашнихъ дѣлахъ, объ ученіи, отецъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ: „Володя, гдѣ ты былъ въ среду вечеромъ?“ Я смутился отъ этого вопроса, потому что нельзя было сказать отцу, гдѣ я провелъ тотъ вечеръ.

— А что? спросилъ я отца, краснѣя.

— Да вотъ, Анна Кондратьевна приходила въ среду вечеромъ и говорила намъ, что вѣдь вашъ Владиміръ то умеръ.

Сообразивъ, что отецъ не знаетъ правды и что онъ далъ мнѣ

вопросъ на основаніи словъ юродивой, я отвѣтилъ, что въ тотъ вечеръ ходилъ къ одному изъ товарищей. Но въ душѣ моей навсегда запечатлѣлся этотъ случай и слова Анны Кондратьевны поразили меня.

Мы четверокласники привыкли ходить вечерами въ ренсковой погребъ (такъ тогда назывались винныя заведенія) и тамъ весело проводили время въ разговорахъ и въ карточной игрѣ. А въ среду вечеромъ мы были тамъ же и въ дополненіе ко всѣмъ гадостямъ и ученическимъ проказамъ въ этотъ вечеръ я первый разъ узналъ вкусъ водки, этого смертоноснаго напитка, ибо какъ иначе, при страшномъ вредѣ, происходящемъ отъ водки, можно назвать употребленіе ея, какъ не смертью душевною и тѣлесною?

Сколько неприятностей, сколько страданій пришло мнѣ перенести вполнѣдствіи изъ-за этого пагубнаго напитка. Но должно быть, по молитвамъ Анны Кондратьевны, Господь сохранилъ меня. Когда я узналъ о смерти юродивой, я записалъ ея имя наряду съ дорогими именами своихъ родныхъ и всегда поминаю ее при совершеніи Божественной службы, и не стало у меня влеченія къ хмѣльнымъ напиткамъ.

Не одинъ о. Владиміръ, всѣ знающіе юродивую и слышавшіе отъ своихъ присныхъ рассказы о случаяхъ прозорливости и дивной жизни Анны Кондратьевны поминаютъ ее въ своихъ молитвахъ.

Вѣримъ, что она и здѣсь, на землѣ, близкая Богу, переселившись въ горнія обители не перестанетъ молиться за братій и сестеръ во Христѣ, такъ сильно нуждающихся въ молитвенной помощи отошедшихъ ко Господу, освободившихся отъ узъ плоти людей Божіихъ.

ПАМЯТИ О. ЮАННА.

4 Юня 1892 года мимо нашей мѣстности проѣзжалъ владыка Израиль. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь храмъ Мелединской Спасо-Преображенской церкви, встрѣтили его мужички съ иконами и хлѣбомъ солью и попросили у него разрѣшенія устроить „церковь, или часовню съ престоломъ, чтобъ было можно причащать, а то много помираетъ неисповѣданныхъ и непричащенныхъ“ („Церковная лѣтопись“). Владыка милостиво откликнулся на просьбы мужичковъ и черезъ нѣсколько времени благословилъ строить зданіе для церкви (30 сентября 1893 года). Начали строить. Въ казнѣ было: деньгами 5 р. 95 коп. 2 ф. масла, и 1½ ф. шерсти („Лѣтопись“).

Безумной казалась многимъ затѣя здѣшнихъ жителей. „На что вы станете строиться?“—спрашивали они. „Богомъ и доб-

рыми людьми"—было отвѣтомъ. И вотъ 21 августа 1894 г. натурой совершилась закладка. „Священникъ о. Варсанофій Лавровъ—говорится въ лѣтописи—молебень съ колѣнопреклоненіемъ служилъ и освятилъ работу, а фундаментъ работали въ числѣ 8 деревень, а камень большую часть на себѣ волочили“. Итакъ: закладки совершились, но строиться не на что. Еще несбыточнѣй казалась затѣя мужиковъ и никто почти не протягивалъ руки помощи: жертвъ было только 62 рубля!

На кого же изъ добрыхъ людей обратили свои взоры мужики прежде всего? Кто поближе и роднѣе имъ показался? На кого понадѣялись? Къ кому пришли они съ нуждой своей? А батюшка „прозорливый Иванъ Кронштадтскій“ показался имъ поближе, породнѣе, на него обратили свои взоры, къ нему притекли съ нуждой!

Надежда оправдалась. Батюшка о. Іоаннъ откликнулся и въ нашу глушь послалъ при письмѣ секретаря своего отъ 25 декабря 1894 г. по докладу № 1787 ¹⁾ 100 рублей.

Съ его благословенной жертвы полились жертвы на устройство церкви и къ 1 Юля 1895 г. скопилось денегъ уже 701 р. 18 к. Мужики повеселѣе принялись за работу. И 29 ноября 1898 года совершенно было освященіе храма. „Не знай: на Сельменьгѣ (простонародное наименованіе деревни Мелединской) или гдѣ освящаютъ церковь“, говорили въ радости мужики—по выраженію „лѣтописи“.

Дорогой батюшка о. Іоаннъ! Мы, грѣшные, шлемъ спасибомъ свою молитву за тебя, за твою праведную душу ²⁾, да ярче просіяетъ она въ царствіи Христовомъ, но и ты въ отвѣтъ сотвори молитву и о насъ и о нашемъ храмѣ, о храмѣ, въ основаніе котораго положена твоя благословенная лепта!

¹⁾ Если намъ жертва послана по докладу 1787-му въ одномъ году, то сколько же добра онъ сдѣлалъ за жизнь?!

²⁾ Имя его записано уже во многихъ помянникахъ и церковномъ спискѣ. Яркой иллюстраціей отношеній народа къ о. Іоанну за время постройки церкви можетъ послужить слѣдующій записанный въ церковную лѣтопись случай. Когда Вельскій лѣсничій отказалъ довѣренному постройкѣ церкви Митрофу Миронову—въ билетѣ на лѣсъ, то огорченный довѣренный обратился (съ согласія прихожанъ-довѣрителей) съ просьбой о разрѣшеніи лѣса 1) въ Св. Синодъ и 2) „въ Кронштадтъ вышеупомянутому прозорливцу протоіерею Іоанну Сергіеву“ (Лѣтопись). Къ кому обратиться съ нуждой? Опять къ тому же о. Іоанну..

Клавдій Булыгинъ.